
Литературоведение

УДК 82. 0 (470. 621)

ББК 83. 3 (2 = Ады)

Ж 39

Жачемукова Б.М.

Аспирант кафедры журналистики и коммуникативистики Кубанского государственного университета, e-mail: fat8474@yandex.ru

Бешукова Ф.Б.

Доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и журналистики Адыгейского государственного университета, e-mail: fat8474@yandex.ru

Художественная специфика жанра исторического романа

(Рецензирована)

Аннотация:

В статье в ретроспективе рассматривается проблема поэтики и эстетики жанра исторического романа. Актуальность исследования обусловлена необходимостью четкого научного описания жанра и выявления его инвариантов в национальных литературах. С целью выявления основных типобразующих компонентов жанра анализируется художественная система Вальтера Скотта. Выявляются основные этапы в истории развития жанра в мировой и отечественной литературах, дается определение жанра и его стилевых форм.

Ключевые слова:

Исторический роман, роман об историческом прошлом, категории времени (couleur historique) и места (couleur locale), «местный колорит», национальный характер, «готический роман», исторический персонаж.

Zhachemukova B.M.

Post-graduate student of Journalism History and Communicativistics Department, Kuban State University, e-mail: fat8474@yandex.ru

Beshukova F.B.

Doctor of Philology, Professor of Literature and Journalism Department, Adyge State University e-mail: fat8474@yandex.ru

Art specificity of a genre of the historical novel

Abstract:

The paper examines in a retrospective the poetics and esthetics of a genre of the historical novel. The research urgency is caused by necessity of the accurate scientific description of the genre and revealing its invariants for national literatures. The Walter Scott's art system is analyzed to find out the basic type-forming genre components. The basic stages are determined in the history of genre development in the world and domestic literatures. A definition of a genre and its style forms is given.

Keywords:

The historical novel, the novel about the historical past, categories of time (couleur historique) and place (couleur locale), «local coloring», national character, «the Gothic novel», the historical character.

Жанр исторического романа, как и романа вообще, в литературоведении вызывает наибольшее число разночтений. Литература об историческом романе достаточно обширна. Однако в большинстве исследований, в том числе и посвященных поэтике жанра, вовсе не ставится проблема инварианта. Обычно все вопросы решаются на достаточно ограниченном материале, и основной акцент делается на анализе художественной интерпретации исторического события, положенного в основу произведения, или художественного образа исторического лица, послужившего прототипом главного персонажа.

Таким образом, несмотря на распространенность словосочетания «исторический роман» в научной литературе, термином его считать нельзя, поскольку не определено понятие, которое им обозначается, нет общепринятого представления о жанровой структуре исторического романа, то есть дефиниция не имеет четкого, закрепленного в теории литературы описания.

Самым общим определением исторического романа является следующее: исторический роман - роман, действие которого разворачивается на фоне исторических событий. Это определение вызывает ряд вопросов, требующих уточнения, так как, по сути, все художественные тексты основаны на реальности, соотносимой с историей. Наиболее спорным является вопрос о пределах необходимости в художественном историческом полотне объективного мира, о мере соответствия вымысла и художественной образности событиям, реально и документально зафиксированным. Насколько имеет право автор интерпретировать исторические события и характеры, чтобы оставаться в рамках жанра исторического романа? Но самым главным упущением, на наш взгляд, является отсутствие теоретических обобщений по поэтике исторического романа.

Подлинный исторический роман, как мы его понимаем в настоящее время - художественная реставрация той или иной исторической действительности - мог возникнуть только с развитием исторической науки, раскрывшей всю *несхожесть отдаленных исторических эпох и между собой, и с данной современностью и, вместе с тем, показавшей внутреннее культурное единство всех сторон жизни*, их образующих и выражающихся в идеях, чувствах, в одежде, языке исторических персонажей. Метод такой реставрации сформулировали немецкие романтики, выдвинув требование точной и согласной с действительностью разработки времени (*couleur historique*) и места (*couleur locale*), в рамках которых располагается действие данного художественного произведения. Столь же необходимое соответствие нравам, обычаям, внешнему виду, особенностям быта было разработано ими в теоретическом требовании обязательно художественного принципа «местного колорита». При этом, как справедливо замечает Н.А. Приймакова, «<...> наше знание истории всегда будет неточным, то есть приблизительным – и в исторической науке, и в художественном творчестве. Правда, последнее обладает, в отличие от науки, одним важнейшим качеством – оно познает и изображает историю в живых лицах, картинах, событиях, фактах, что создает впечатление «всамделишности» происходящего. Трудность и сложность исторического творчества в том и состоит, что в нем художник должен быть одновременно и художником, и историком, чтобы его творение было и искусством, и историей» [1: 5].

Специфика движения русской литературы, как и любой другой национальной литературы, требует индивидуально-социально – исторического контекста в процессе теоретизации. Диктат идеологического подхода к художественному творчеству в советский период искусственно затормозил и догматизировал развитие художественных систем, в частности, значительно повлиял на жанр историческо-

го романа. В контексте исследования поэтики и художественного своеобразия национального исторического романа следует обозначить, что в процессе выявления теории жанра мы выделяем следующие основные традиции, повлиявшие на современный исторический роман:

- западноевропейскую, возникшую в русле художественных исканий романтизма (В. Скотт, А. де Виньи, В. Гюго и др.);

- отечественную классическую XIX – н. XX вв., в русле которой выявляются такие инварианты, как авантюрно-психологический роман (А.С. Пушкин, М.Н. Загоскин, А.А. Лажечников, Н.А. Полевой); авантюрно-философский роман (Н.В. Гоголь, Л.Н. Толстой, Г.П. Данилевский, А.Ф. Писемский, Вс. Соловьев, В.Я. Брюсов, Д.С. Мережковский и др.) (см.: Малкина 2002, с. 146).

- советского периода (А. Толстой, В. Пиккуль, Д. Гранин, Ю. Тынянов, О. Форш и др.).

Здесь же следует уточнить, что, на наш взгляд, необходимо разграничить следующие жанровые формы романа, в основе которого - историческое прошлое: исторический роман и роман об историческом прошлом.

Исторический роман – это художественное произведение, темой которого является историческое прошлое (некоторые исследователи обозначают хронологические рамки – не ранее, чем 75 лет до написания текста, то есть жизнь трех поколений). Художественной целью и задачей художника является воспроизведение и исследование важнейших характеристик известной личности, показ взаимосвязи личности и эпохи. То есть в историческом романе должны сочетаться исторический, социальный и гуманистический подходы. Доля вымысла в данном инварианте романа не должна быть преобладающей, особенно в интерпретации исторических событий, предметного мира, характерных, установленных до-

кументально черт личности и портрета исторических персонажей. Автор в пределах художественной необходимости и идеи произведения, несомненно, имеет право на вымысел, фантазию, использовать художественные приемы усиления, при этом не допуская искажения исторической действительности.

Роман об историческом прошлом также обращен в историю, но, в отличие от исторического романа, в нем в качестве главных персонажей не фигурируют исторические личности, не затрагиваются широкие исторические события, хотя сюжет романа зачастую построен на проблеме судьбы отдельного человека в какой-то переломный исторический момент. Персонажи данного инварианта вымышлены, преобладает художественная условность и авторская фантазия. В данном случае автор имеет право интерпретации, не претендуя на историческую достоверность, так как задачей романа об историческом прошлом является, в большинстве случаев, проблема простого человека в контексте исследования прошлого народа. Хронологически этот тип романа может быть обращен к любому периоду истории, в том числе и не столь отдаленному, как исторический роман.

Как отмечал ещё Д. Благой, «<...> зачатки исторического романа можно усмотреть уже в Александрийскую эпоху не только в исторических именах, которыми наделяет своих героев <...> подражающий Фукидиду Харитон Афродисийский, но, в особенности, в романах об Александре Великом и о Троянском походе, написанных в первые века нашей эры и полувивших в средние века в многочисленных версиях и переделках огромное пространство по всей Европе» [2].

Формирование жанра исторического романа, давшего мощный импульс в этом направлении всему европейскому художественному творчеству, связано с именем Вальтера Скотта (1771-1831гг.), по словам А.С. Пушкина, «шотландского

чародея», «который увлек за собой целую толпу «подражателей», действие которого «ощутительно во всех отраслях ему современной словесности». По этой причине в контексте исследования жанра исторического романа наиболее многочисленны работы о творчестве Вальтера Скотта. Существует несколько исследований, в которых творчество шотландского писателя служит материалом для постановки более общих задач, то есть предпринимаются попытки систематизации и описания устойчивой структуры исторического романа вальтер-скоттовского типа.

В частности, в центре внимания В. Дибелиуса – три проблемы: 1) традиции, которые использовал В. Скотт для создания жанра исторического романа; 2) сюжетообразующие мотивы; 3) тип героя.

В. Дибелиус полагал, что В. Скотт опирался прежде всего на традиции авантюрного (Д. Дефо, Г. Филдинг, Т. Смоллет) и «готического» романа и именно из авантюрной и «готической» литературы почерпнул главные элементы, положенные им в основу жанра исторического романа.

Центральные сюжетообразующие мотивы, по мнению исследователя, следующие: 1) *путешествие*; оно может быть вызвано ссорой со старшим поколением («Роб Рой», «Айвенго») или другими причинами, но в том или ином виде присутствует непременно; 2) *любовь* к прекрасной даме, встречающая на своем пути различные препятствия; 3) *воспитание* (перевоспитание) героя, в частности, под влиянием этой любви; 4) *тайна*; 5) *интрига*, связывающая политическую, культурно-историческую часть романа с собственной судьбой героя.

Основной задачей, по мнению В. Дибелиуса, для В. Скотта было изображение и объяснение культурно-исторических связей эпохи. Композиционным ядром романа, в котором пересекаются все романские коллизии становятся личные события в судьбе героя. В. Скотт изобража-

ет и исторические личности, и полуисторические, полупоэтические. Но в центре писатель ставит другого персонажа, чужого для всех лагерей. Этот новый тип героя, по мнению В. Дибелиуса, – одно из главных и наиболее важных открытий В. Скотта [3, 4]. Этот персонаж, сообразно возможностям поэтического творчества того периода, несколько схематичен, но при этом можно выявить элементы психологизации и индивидуализации.

Большое значение в романах В. Скотта имеют и реальные исторические личности. Г. Лукач, в чьих трудах еще в начале XX века проблема классической формы исторического романа получила фундаментальную литературоведческую разработку, полагал, что «<...> все эти фигуры появляются у Скотта в своем реальном историческом значении. <...> Для него великая историческая личность представляет важное и значительное движение, охватывающее большую часть народа. Он потому и велик, что его собственная страсть и цель воплощает в себе все положительные и отрицательные стороны этого движения, он является его выразителем, воплощением. <...> Поэтому Скотт никогда не показывает эволюцию такой личности. Вместо этого он всегда показывает ее нам уже сформировавшейся. Сформировавшейся, однако, не без некоторой подготовки. Эта подготовка не столько личностная или психологическая, сколько объективная, социально-историческая» [5].

Как отмечал Г. Лукач, «историческому роману до Вальтера Скотта не хватает именно исторического мышления, другими словами, понимания того, что особенности характера людей вытекают из исторического своеобразия их времени» [5].

Еще одна отличительная особенность романов В. Скотта заключается, по мнению Г. Лукача, в большой роли описательного элемента. Однако он спорит с теми исследователями, которые полага-

ют, что именно исторические характеристики места и времени составляют главное в романах шотландского писателя: «Для В. Скотта историческое «здесь и теперь» – нечто более глубокое. Для него это означает, что некоторый кризис в личных судьбах определенного числа людей соотносится и тесно сплетается с контекстом исторического кризиса» [5].

О. де Бальзак в своей критической статье о «Пармской обители» Ф. Стендаля также обращает внимание читателей на те новые художественные черты, которые внесены Вальтером Скоттом в эпическую литературу: *широкое изображение обычаев и реальных обстоятельств, драматизм действия и, в тесной связи с этим, новое значение диалога в романе.*

Важной чертой исторического романа, ставшего особенно популярным в XIX веке, становится опора на документальные факты, то есть «научность», как говорил О. де Бальзак. Однако, говорить об исторической правде можно только условно. Альфред де Виньи в предисловии к «Сен-Мару» «Размышления об истинности в искусстве», набрасывая поэтику исторического романа, прямо указывает, что пути историка и писателя кардинально различны. Для первого единственно ценным является «сомнительная истинность» добываемых им мертвых исторических фактов; второй творческой своей интуицией, в основу которой кладется та или иная легенда, создает некое *новое бытие, при всей своей идеальности, ничуть не уступающее реальной правде данной исторической действительности* [2].

В разработку теории романа, в том числе – исторического, ценный вклад внес Гегель, который заметил: «Эпические герои - это цельные индивиды, которые блестяще соединяют в себе все то, что рассеяно по частям в национальном характере, и остаются при этом великими, свободными, человечески прекрасными характерами <...> такие главные лица получают право быть поставленными на вершину и рассма-

тривать важнейшие события в связи со своей индивидуальностью» [6: 245]. Главные фигуры Вальтера Скотта - национально-типические характеры, но они уже не представляют собой обобщающих вершин, как герои эпоса, а только честную посредственность. Эпические персонажи были национальными героями жизни, воспринимаемой поэтически, романские - являются героями жизни прозаической.

В России первое знакомство с прозаическими произведениями шотландского писателя происходит в те же 1810-е годы, однако пик славы приходится на 1820-30 годы. Успех и бурное развитие исторического романа вызвали в журналах и литературных кругах первой половины 30-х годов оживленную полемику вокруг его проблем, которая была важным моментом в той борьбе за реализм в русской литературе, которую с середины 20-х годов начал Пушкин, а затем продолжил В.Г.Белинский.

Для Белинского развитие исторического романа в русской литературе было не результатом влияния Вальтера Скотта, как это утверждали известные литературные критики первой трети XIX века С.П. Шевырев и О.И. Сенковский, а проявлением «духа времени», «всеобщим и можно сказать всемирным направлением». Внимание к историческому прошлому, отражая рост национального самосознания народов, вместе с тем свидетельствовало о все более глубоком проникновении действительности и ее интересов в искусство и общественную мысль. Белинский указывает, что вся дальнейшая деятельность передовой мысли будет и должна опираться на историю, вырастать из исторической почвы. По мнению Белинского, значение Вальтера Скотта заключалось в том, что он «докончил соединение искусства с жизнью, взяв в посредники историю». «Само искусство теперь сделалось по преимуществу историческим, исторический роман и историческая драма интересуют всех и каждого

больше, чем произведения в том же роде, принадлежащие к сфере чистого вымысла», - отмечал критик [4: 232]. Во внимании к истории, к реальной действительности он усматривал движение русской литературы к реализму.

В. Скотта в то время читали практически повсеместно, хотя мнения были различными (так, например, О.И. Сенковский исторический роман решительно осудил). Но большинство все-таки оценивало его творчество положительно, даже восторженно (Н.А. и К.А. Полевые, П.А. Вяземский, В.К. Кюхельбекер и др.).

Главной заслугой В. Скотта считалось создание нового жанра – исторического романа, вобравшего, по мнению критиков, главные эстетические устремления той эпохи. «Вальтер Скотт создал, изобрел, открыл, или, лучше сказать, *угадал эпопею* нашего времени – *исторический роман*» [7: 357], – писал В.Г. Белинский. И в другой статье: «Вальтер Скотт был создателем нового рода поэзии, который мог возникнуть только в XIX веке, – *исторического романа*. В романе Вальтера Скотта история и поэзия впервые встретились как начала родственные, а не враждебные. <...> И вот почему, читая романы Вальтера Скотта, в которых одно какое-нибудь историческое событие перемешано со множеством вымышленных, думаешь, что читаешь историю: так все естественно, живо и верно в романе» [4: 230 - 232]. Новым оказался угол зрения, под которым Вальтер Скотт он видел «частную жизнь с ее заботами и хлопотами» (В. Г. Белинский) и любовь – «верховную царицу чувств» (Н. И. Надеждин). Все «частное» дано В. Скоттом в исторической перспективе: вымышленные герои – люди прошлых столетий – действуют среди исторических лиц, участвуют в событиях, имевших место в реальности. Особое значение в романах В. Скотта приобрели «археологические» и «этнографические» подробности: и местность со всеми особенностями, и колорит эпо-

хи, и костюмы, и позы героев – все должно было соответствовать своему времени [8: 28]. К такому же соответствию стремился романист и при изображении «старых нравов»: привычек, обычаев, понятий, предрассудков людей прошлого. С особой тщательностью воссоздавался в историческом романе бытовая и исторический фон эпохи. Это не означает, что у В. Скотта исторические события, лица, предметы воспроизводились со скрупулезной точностью, основанной только на документальных фактах. Писатель, воскрешая историю в романе с помощью художественного домысла, волен был допускать сознательные анахронизмы, переставлять даты для усиления драматизма повествования, домысливать характер исторического лица.

В России первой попыткой исторического «повествования», основанного на исторической реальности, является повесть Н. Карамзина «Наталья, боярская дочь» (1792). Однако трудность овладения исторической эпохой в ней не только не разрешена, но и осознана автором как неразрешимая. «Читатель догадается, - пишет он в коротком предисловии к повести, - что старинные любовники говорили не совсем так, как здесь говорят они, но тогдашнего языка мы не могли бы теперь и понимать». В результате этого осознания действующие лица повести и говорят, и чувствуют на современном Н. Карамзину литературном языке сентиментализма. Влияние Вальтера Скотта, показавшего, как можно заставить своих героев говорить на языке, свойственном их эпохе, так, чтобы он был понятен и современным читателям, сказалось, прежде всего, в «Арапе Петра Великого» А.С. Пушкина (1827 г.), о котором В.Г. Белинский писал: «Эти семь глав неоконченного романа, из которых одна упредила все исторические романы г.г. Загоскина и Лажечникова, неизмеримо выше и лучше всякого исторического русского романа порознь взятого и всех их вместе взятых» [6: 203].

Однако сознание современников гораздо больше, чем «Арап Петра Великого» и даже «Капитанская дочка» (1836 г.) затронули создавшие славу этого жанра исторические романы М.Н. Загоскина («Юрий Милославский» 1829г., «Аскольдова могила» 1833г., «Брынский лес» 1845г. и мн. др.) и И.И. Лажечникова («Последний новик» 1831-1833 гг., «Ледяной дом» 1835г., «Басурман» 1838г. и др.). А. С. Пушкин в рецензии на «Юрия Милославского» писал: «Господин Загоскин точно переносит нас в 1612 год. Добрый наш народ, бояре, казаки, монахи, буйные шиши – все это угадано, все это действует, чувствует, как должно было действовать, чувствовать в смутные времена Минина и Авраамия Палицына. Как живы, как занимательны сцены старинной русской жизни!» [9: 41].

«Война и мир» Льва Толстого (1860г.), по мысли Д. Благого, «эта «Русская Илиада», где в «гигантскую паутину истории затканы все борения и страсти человеческого сердца, все искания и

печали человеческого духа, где рядом с исключительно меткими портретами великих участников событий 12-го года, дана широкая картина быта, - а вся эта воздушная постройка носится по темным волнам оригинального философско-исторического мировоззрения автора, - дает единственный в своем роде образец мирового исторического романа, в то же время не уместяясь целиком в рамках только этого жанра» [2]. В ряду знаменитых классических русских исторических романов находятся и «Тарас Бульба» Н.В. Гоголя, «Масоны» А.Ф. Писемского (1880), «Пугачевцы» (1874) Е.А. Салиаса-де-Турнемира, романы Г.П. Данилевского («Мирович» и др.), Вс. Соловьева («Волхвы» 1889г., «Великий Розенкрейцер» 1890г. и др.), Д.Л. Мордовцева («Великий раскол», «Двенадцатый год» и мн. др.), «Огненный ангел» В.Я. Брюсова, историческая трилогия «Христос и Антихрист», роман «Александр I» Д.С. Мережковского и многие другие.

Примечания:

1. Приймакова, Н.А. Жанрово-стилевое богатство современного адыгского романа об историческом прошлом (поэтика сюжета) / Н.А. Приймакова. - Майкоп, 2003. - 115с.
2. Благой, Д. Исторический роман // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2-х т. / Д. Благой. - М.; Л.: Изд-во Л.Д. Френкель, 1925. - Т. 1. - Электр. рес. – [Режим доступа]: <http://feb-web.ru/feb/slt/abc/lt1/lt1-3351.htm>.
3. Малкина, В.Я. Поэтика исторического романа. Проблема инварианта и типология жанра / В.Я. Малкина. – Тверь, 2002.
4. Белинский, В.Г. Собрание сочинений: В 9 т. –Т.5. / В.Г. Белинский. - М., 1976.
5. Лукач, Г. Исторический роман // Литературный критик / Г. Лукач. - 1937 № 7, 9, 12; 1938, № 3, 7, 8, 12. – [Электр. рес.]. – Режим доступа: <http://mesotes.narod.ru/lukacs/hist-roman/histroman-sod.htm>.
6. Гегель, Г.В. Эстетика: В 4-х томах/ - Т.3 / Г.В. Гегель. – М., 1968-1973.
7. Белинский, В.Г. Собрание сочинений: В 9 т. – Т.1. / В.Г. Белинский. - М., 1976.
8. Скотт, В. Собр. соч. в 20-ти томах. - Т. 8 / В. Скотт. - М. – Л., 1964.
9. Пушкин, А. С.. Собр. соч. в 10-ти томах. - Т. 6 / А.С. Пушкин. - М., 1962.